

Vladlen

Булат

18+

Vladlen

Булат

«Автор»

2026

Vladlen

Булат / Vladlen — «Автор», 2026

Моя семья - это моя сестра и смертельно больная маленькая племянница.
Я каждый день боялась, что однажды я останусь одна. Но случай на работе свел меня с опасным, безумным и таким притягательным мужчиной.
Теперь у меня есть надежда на большую и крепкую семью. От автора: третья книга цика про Велесовых. Книга про Булата. Приятного чтения Первая - "Прикосновение" Вторая - "Проводник"

© Vladlen, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Булат

Глава

Глава 1

После ночной смены я тихо вошла в квартиру и направилась напрямиком в ванну. Смыв с себя беспокойную ночь, вышла из ванны, прикрывая дверь и вошла в кухню.

Сестра стояла возле окна и смотрела на просыпающийся город.

- Как прошла смена? – Арина спросила тихо. Голос уставший.

- Все хорошо – я подошла к ней и обняла за плечи – как Ева?

- Спит... всю ночь была температура почти сорок. Я скорую дважды вызывала. Узнав диагноз, они просто пожимали плечами и уезжали – голос Арины сорвался.

Я прижала ее к себе так крепко, насколько была способна.

Арина отстранилась и посмотрела в мои глаза. Ее взгляд... он угасал...

Врачи дали Еве полгода... она уже даже не встает с постели... ее просто отправили домой... умирать...

- Давай я тебя покормлю, ты ведь устала совсем – Арина включила чайник и открыла холодильник, доставая оттуда колбасу и сыр. – Лен... когда ее не станет... что мне делать?

Комок в горле мешал мне говорить. Ева... маленькая трехлетняя девочка. Она так и не увидела детства. Уже больше года мы боремся с ее болезнью. Мы продали все что у нас было. Перебрались на окраину города в однокомнатную квартиру. Я пашу на трех работах без выходных... но денег нам не хватает.

- Ты будешь жить, — наконец выдавила я, глотая горький комок. — Будешь жить ради неё. Она часть тебя. И мы справимся. Как справлялись всё это время.

Арина молча нарезала хлеб. Лезвие ножа равномерно стучало по доске, и этот бытовой звук был невыносимее любой истерики. Она отрезала ровные, почти прозрачные ломтики, как будто в этой безупречной точности был последний оплот порядка в мире, который рушился. Я села за стол, чувствуя, как отяжелели веки, а за спиной будто висел невидимый мешок с мокрым песком — усталость всех этих месяцев и ночей.

- Знаешь, что она сегодня сказала, когда температура немного спала? — Арина поставила передо мной тарелку, её пальцы слегка дрожали. — Сказала: «Мама, не грусти. Я же с тобой». Трёхлетняя... — она резко отвернулась к раковине, чтобы я не видела, как её лицо исказила гримаса боли. — Как ей объяснить, что скоро она не сможет быть со мной? Как я ей это объясню?

Я молча ела безвкусный бутерброд, понимая, что каждое слово сейчас — пустое. Деньги, которые я приношу, уходят на паллиативные лекарства, чтобы облегчить боль, а не дать шанс. Шанса не было с самого начала, но мы отказывались в это верить. Теперь время надежды истекло, и остались только эти тягучие минуты, часы, дни ожидания, самые беспощадные из всех.

Из комнаты донёсся тихий, слабый звук. Арина замерла, будто превратилась в слух. Потом бросилась в комнату, смахнув со стола крошки. Я последовала за ней, застыв в дверном проёме. Ева лежала, укутанная в одеяло, и её огромные, слишком взрослые глаза смотрели на маму. Она слабо улыбнулась, увидев меня, и прошептала:

- Тётя Лена.

В этой улыбке была такая неподдельная нежность, что у меня сердце сжалось в ледяной ком. Арина села на край кровати, взяла её худенькую ладошку в свои руки и начала тихо напевать колыбельную — ту самую, что пела ей с рождения. Я отступила в тень коридора, понимая, что это их момент, их маленькая, хрупкая вселенная, куда мне теперь можно было только заглядывать, боясь вдохнуть.

Песня Арины затихла, сменившись тихим, ровным дыханием. Ева заснула, или просто закрыла глаза, сохраняя ту хрупкую иллюзию покоя. Я отправилась на кухню мыть посуду, чтобы занять руки. Тёплая вода, монотонные движения — это был ещё один вид самообезболивания. Арина вышла через пятнадцать минут, прикрыв за собой дверь с осторожностью сапёра.

- Спит, — коротко сказала она, опускаясь на стул. Её взгляд упал на тарелку с недоеденным хлебом. — Надо будет завтра сходить в магазин. Молоко купить. Ей нравится тёплое молоко с мёдом.

Её голос звучал плоским, деловым тоном. Это был план на завтра, крошечный островок будущего в море неизбежного. Я кивнула, вытирая тарелку. Мы больше не говорили о главном. Оно висело в воздухе между нами, плотное и беззвучное, как стена. Каждое практическое действие — купить молоко, сменить постельное бельё, проверить температуру — было кирпичиком в стене, которую мы достраивали, чтобы не смотреть в пустоту по ту сторону.

Утро принесло с собой бледный, безрадостный свет. Ева проснулась уставшей. Температура снова поднялась, и её личико стало восковым, прозрачным. Она позволила себя накормить несколькими ложками каши, потом отвернулась. Арина говорила с ней шёпотом, гладила влажные волосы. Я вышла на балкон подышать. Воздух был колючим, апрельским. Внизу кипела обычная жизнь: люди спешили на работу, смеялись, разговаривали по телефону. Их нормальность казалась мне теперь другой планетой, с которой у нас не было рейсов.

Когда я вернулась, Арина сидела на полу у кровати, положив голову на край матраса. Рука её была протянута к Еве, пальцы мягко перебирали краешек одеяла. Девочка смотрела в потолок, её грудь едва заметно вздымалась. Я поняла, что Арина не спит. Она просто лежала там, сливаясь с этим тихим ритмом дыхания, растворяясь в нём, пока ещё могла. Я села в кресло-мешок в углу, став тихим свидетелем их последнего, медленного танца. Не было больше слов «справимся». Было только это — дежурство у края, где время текло иначе, отмеряя не часы, а вздохи.

Я оделась и вышла на улицу. Арину бесполезно просить выйти из квартиры даже за молоком. Она боится, боится, что вернется, а там...

Бессонная ночь давала о себе знать. Я растерла лицо руками и двинулась в ближайший магазин за молоком. Свежего там не оказалось, тогда я села в маршрутку и поехала в гипермаркет, который был в трех кварталах от нашей квартиры.

Гипермаркет встретил меня ярким, бездушным светом и гулким эхом тележек. Я шла по бесконечным рядам, где изобилие казалось издевкой. Молоко. Нужно было просто взять молоко. Но ноги сами понесли меня в отдел с детским питанием, к полкам с яркими коробками соков и печенья, которое Ева больше не могла есть. Я стояла и тупо смотрела на упаковку с зайчиком, чувствуя, как внутри всё немеет. Взяла две пачки молока, самой жирной, и банку дорогого мёда в деревянной ложкой — такой мы никогда не покупали. Потом добавила мягкие персиковые соки, которые Ева иногда пила через трубочку. Кассирша пробила покупки, бросив на меня усталый взгляд. Я расплатилась почти последними деньгами, и эта материальная транзакция, обмен бумажек на пакет с едой, ощущалась как самое бессмысленное действие в моей жизни.

Возвращаясь, я увидела аптеку и зашла. Спросила у фармацевта самое сильное, но безопасное обезболивающее для ребёнка. Женщина за прилавком, взглянув на мое лицо, ничего не уточняя, молча положила маленькие ампулы и шприцы-дозаторы.

- Облегчает быстро, — тихо сказала она, отсчитывая сдачу. — Дай бог здоровья

Её формальное сочувствие прозвучало как пощёчина. Я сунула коробку в пакет, к банке с мёдом, и пошла домой, чувствуя тяжесть в руках и полную пустоту во всём остальном.

Дверь открылась бесшумно. В квартире стояла та же густая, приглушённая тишина, что и до моего ухода. Я разулась и замерла в прихожей, прислушиваясь. Ни звука. Сердце ёкнуло, забилось глухо и громко. Потом из комнаты донеслось тихое бормотание Арины — она что-то читала ровным, монотонным голосом. Я вошла на кухню, убрала продукты. Молоко поставила в холодильник. Мёд оставила на столе. Потом подошла к двери комнаты.

Арина сидела на прежнем месте, на полу, прислонившись спиной к кровати. В руках у неё была детская книжка с потрёпанными страницами. Она читала сказку про репку, но голос её был абсолютно ровным, без интонаций, как будто она диктовала техническую инструкцию. Ева лежала с закрытыми глазами. Щёки впалые, веки с синевой. Дышала поверхностно и часто. Я увидела на тумбочке пустую ампулу и использованный шприц. Значит, боль вернулась. Значит, Арина уже сделала укол, пока меня не было. Она даже не посмотрела на меня, просто продолжала читать, перелистывая страницу. Я села в кресло в углу и закрыла глаза, давая усталости наконец накрыть себя с головой. Голос сестры превратился в далёкий белый шум.

Я не заметила, как провалилась в короткий, тяжёлый сон. Разбудил меня не звук, а изменение качества тишины. Чтение прекратилось. Я открыла глаза. Арина не двигалась, её взгляд был прикован к Еве. Девочка открыла глаза и смотрела в потолок. Потом медленно, с невероятным усилием, повернула голову. Её взгляд нашёл Арину, скользнул ко мне.

- Мама... тётя Лена... — её голос был шелестом сухого листа. Мы оба замерли, не дыша. — Я... не хочу кашу... — прошептала она. — Можно... молоко?

Арина вскочила так резко, что книга упала на пол. Её лицо ожило на секунду, вспыхнуло дикой, жадной надеждой. Это была просьба. Знак. Желание.

- Можно, солнышко, конечно можно! — её голос сорвался, стал звонким и почти радостным. — Лена, молоко! С мёдом!

Я кинулась на кухню, торопливо грея молоко в кастрюльке, капая в него мёд из новой банки, судорожно помешивая. Руки дрожали. Это было что-то. Какое-то действие, пункт в плане, который мы могли выполнить безупречно. Я отнесла чашку. Арина уже приподняла Еву, бережно поддерживая её. Поднесла чашку к губам. Ева сделала два маленьких глотка. Потом ещё один. На её губах осталась белая капля. Она слабо облизнулась и, кажется, попыталась улыбнуться. Потом глаза её снова закрылись, но теперь — с видом крошечного, едва уловимого удовлетворения.

Арина положила её на подушки, вытерла ей губы салфеткой с нежностью, от которой сжалось всё внутри. Потом она подняла на меня взгляд. И в этом взгляде, всего на миг, не было отчаяния. Была просто материнская сосредоточенность на задаче: она накормила своего ребёнка. Это был последний островок обыденности, и мы на нём вдвоём стояли, цепляясь за него изо всех сил, пока тёмная вода поднималась всё выше.

Глава 2

- Что там происходит? – Булат сидел на кухне в Велесовых и смотрел на Егора
- Тая плачет – вздохнул Егор
- Почему?
- Потому что хочет мороженое со вкусом огурца, а такого нет. Костя в бешенстве, дети слиняли из дома.
- А просто мороженое закусить огурцом? – Булат отпил кофе
- Она попробовала, сказала не то, и расплакалась. Эта беременность вымотала все нервы и ей и нам.
- Скоро родит и будет всем счастье – Булат улыбнулся
- Не будет – вздохнул Егор – потом гормоны попрут в другое русло...вспомни как было после рождения близнецов.
- Мдаааа, что делать будем?
- Надо отправлять их на море. Даша до сих пор боится возвращаться сюда, Артем с ней. Пусть и эти едут – Егор улыбнулся
- Константин спустился молчаливый и злой. За ним шла заплаканная Тая.
- Ребята, вам надо на море. Там и огурцы и мороженое совсем другие – проговорил Булат
- Костя посмотрел на него так, что волк тут же замолк.
- Егор у нас есть клубника?
- Егор молча достал из холодильника клубнику.
- Константин взял у Егора контейнер с клубникой, помыл несколько ягод и молча протянул Тае. Тая взяла одну, медленно разжевала. Слезы потекли снова, но уже тише.
- Не то? — спросил Егор, осторожно глядя на жену брата.
- То, — прошептала она, съедая вторую ягоду. — Просто я так хотела того мороженого.
- Простите меня, я не специально.
- Костя обнял ее за плечи, и его злость, казалось, на миг отступила, сменившись усталой беспомощностью. Он прижал ее голову к своему плечу. Булат перевел взгляд на окно, давая им эту минуту.
- На море, — тихо, но настойчиво повторил Егор, глядя на Константина. - Серьезно. Два дня на сборы. Мама и Даша будут рады. Тебе нужен отдых от нас всех, а Тае — от этой погоды и этих стен.
- Константин молча кивал, глядя волосы жены. Идея, которая пять минут назад показалась бы ему бегством, теперь обретала черты единственного разумного выхода. Он видел, как Тая тает от слез и капризов, и понимал, что его запала терпения хватит ненадолго.
- Клубнику возьмем с собой, — вдруг сказала Тая, отрываясь от его плеча и смахивая слезы тыльной стороной ладони. Голос ее звучал уже без истеричной ноты, просто устало. — Там, на юге, она... другая. Солнечная.
- Где логика, если там вкуснее, то зачем брать эту? - Булат смотрел на Таю, потом перевел взгляд на Константина и замолк
- Надо сравнить, обязательно - пояснила Тая
- Булат встретился взглядом с Егором и едва заметно кивнул. Прорыв. Когда беременная женщина начинает строить планы, пусть и про клубнику, — это хороший знак. Егор уже мысленно листал контакты в телефоне, прикидывая, кого из знакомых попросить помочь с билетами.
- Константин вздохнул, и это был первый за сегодня глубокий, не сдавленный вздох.
- Ладно, — сказал он, обращаясь больше к Тае, чем к другим. - Поедем. Только давайте без спешки. Сейчас попьем с мужиками кофе, а потом... начнем думать.

Он подошел к столу, взял чашку, которую ему молча протянул Булат. Тая устроилась рядом на стуле, доедая клубнику из контейнера. В кухне воцарилось хрупкое, но настоящее затишье. Булат больше не предлагал мороженое с огурцом, Егор не вздыхал. Просто пили кофе, глядя, как за окном медленно опускается весенний вечер.

Тая достала телефон и набрала дочь.

- Аня, ты и Матвей едите с нами к бабушке с дедушкой. Арсений останется тут и поможет Егору и Булату.

- Mam, ну у меня планы...

- ЧТО?

- Хорошо – Аня тяжело вздохнула – едем к бабушке с дедушкой

- Отлично – Тая отложила телефон и посмотрела на мужчин – ЧТО? – повторила она уже им

- Ничего – Булат пожал плечами – все правильно Таисия, все правильно. Хочешь яблоко?

- Нет, пойду накидаю список, что нам с собой взять. И поедем на поезде. Я не полечу.

Тая встала и медленно пошла наверх. Костя тяжело вздохнул.

- Две беременности, трое детей и все было в норме, но эта беременность... что-то с чем-то. Она сама уже устала, сначала плачет от того что чего-то хочет, потом плачет от того что не хочет, а потом плачет от того, что плакала и выносила мне мозг. А я смотрю на нее и люблю безумно. Егор, купи билеты на поезд, выкупи три купе.

- Почему три?

- Потому что я знаю свою жену. Ей обязательно потребуется место для одиночества. Выкупи три купе, а лучше выкупи весь вагон. И бери СВ. Господи, три дня на поезде я с ума сойду. Мы бы за четыре часа долетели...

- Костя – послышался крик Таи со второго этажа – летим на самолете. Левушка начал говорить первое слово. Нам нужно быстрее туда, хочу потискать этого карапуза. Завтра вылетаем.

- Егор – Костя посмотрел на брата

Егор расхохотался и кивнул.

- Я все согласую с аэропортом. Иди помогай жене вещи собирать.

Утром Костя с Таисией и детьми улетели на море.

- Чем займемся? – Булат смотрел в небо, в след улетающему самолету

- У тебя нет дел? – Егор хохотнул и хлопнул Арсения по плечу – ну что племяш ты теперь совсем взрослый, тебя оставили одного... за старшего...

- Ага, одного и с вами – Арсений не выглядел воодушевленным – мама оставила целый список того что нужно делать и доклад ежедневно ей. А еще она папу называет драконом...

- Еще слово о матери... – прорычал Булат

- Блин, да я же по-доброму. Вы чего? – Арсений смотрел на Его и Булата со страхом в глазах.

- Поехали, в офисе дел много – Егор пошел к машине.

Ехали молча.

Офис встретил их прохладной тишиной. Арсений, все еще под впечатлением от утренних событий, молча устроился за своим ноутбуком, но сосредоточиться не мог. В ушах стоял плач мамы, а перед глазами — усталое, почти отрешенное лицо отца, наблюдающего, как жена заставляет Аню и Матвея упаковывать чемоданы. Слово «дракон» вырвалось у него случайно, но теперь он думал, что в нем была капля правды: отец в последние месяцы и правда был похож на мифического стража, который рычал на всех вокруг своей беременной жены, защищая ее покой, которого, кажется, не было ни у кого.

Булат, включив компьютер, уставился в экран, но мысли его были далеко. Он вспоминал свою двоюродную сестру в первую беременность, ее внезапную страсть к соленым арбузам посреди зимы. Тогда ее муж объездил полгорода, но нашел. Разница была в масштабе: сестра тихо грустила, если не получалось, а Тая погружала в хаос весь дом. Он вздохнул, осознавая, что их поездка — не капитуляция, а стратегическое отступление. Иногда чтобы сохранить крепость, гарнизон нужно вывести на свежий воздух.

Егор, разговаривая по телефону с кем-то из аэропорта, кивал и делал пометки. Договорившись, он положил трубку и обвел взглядом кабинет.

- Приземлились, - сообщил он просто. - Все в порядке. Костя уже отправил смс: «Тишина. Ужасающая. Пью кофе и боюсь пошевелиться». - Уголки его рта дрогнули.

Арсений фыркнул, но в голосе прозвучала облегчение. Булат откинулся на спинку кресла.

- Ну, слава богу. Теперь свою тишину наведем. Арсений, твой список от мамы давай сюда. Разберем по пунктам.

Список оказался длинным: от полива цветов и проверки почты до звонка в школу по поводу проектной работы какого-то мальчика. Тая курировала школу и входила в Управляющий совет.

Работа закипела, монотонная и успокаивающая. В этой деловой суете исчезло напряжение последних дней. Они были просто тремя мужчинами, решающими бытовые задачи. Даже Булат перестал хмуриться.

К вечеру, закончив с делами, они сидели на кухне в доме Велесовых. Без Кости и Таи пространство казалось непривычно пустым и гулким. Егор разогрел остатки вчерашнего ужина.

- Интересно, - сказал Булат, разминая затекшую шею, - найдут они там свое мороженое с огурцом?

- Не в мороженом дело, - ответил Егор, расставляя тарелки. - Им нужно просто побыть другими. Он — не драконом, она — не комом нервов. Хотя бы неделю.

Арсений молча слушал, впервые за долгое время чувствуя, как тяжелый, липкий воздух в доме постепенно рассеивается, уступая место обычной, ничем не примечательной тишине. Он надеялся, что там, у моря, происходит то же самое.

Глава 3

Елена

Снова смена. За последние три недели я спала...не знаю сколько. Мне всего тридцать, Арине двадцать пять. И что у нас есть? Маленькая поломанная семья. Вот что...Ева...она появилась при страшных обстоятельствах, но ее появление нас сблизило...а теперь...

- Лен, хорошей смены – напарница Соня помахала мне рукой

Я помахала в ответ, закрыла входную дверь и уставилась в монитор. Три дня в неделю я работала ночным охранником в контейнерном терминале. Работа не пыльная. Моя задача сидеть за мониторами. Пару охранников раз в два часа делают обход.

Мониторы показывали одно и то же: длинные ряды синих и ржавых контейнеров, залитые желтым светом прожекторов, да далекие огни порта. Тишину в комнате нарушал только мерный гул системного блока и редкие переговоры по рации.

Я взяла термос с остатками холодного кофе. В этой тишине мысли возвращались туда, откуда я только что уехала. К Арине, которая молча сидела у кровати, на которой спала Ева. Мы не ссорились. Мы просто...затихли. Как будто что-то сломалось в самом механизме, и теперь шестеренки крутятся вхолостую, издавая этот тягостный, едва слышный звук отдаления.

Внезапно на одном из экранов мелькнула тень. Камера №12, дальний угол, сектор D. Я придвинулась ближе, переключила вид на полноэкранный. Ничего. Наверное, птица или игра света от проезжающей фуры. Но внутреннее чутье, наторевшее за годы такой работы, зашевелилось. Я позвонила ребятам на обход.

- Коля, глянь в секторе D, у 12-й камеры. Что-то мелькнуло.

- Принято. Идем, — раздался в рации спокойный голос.

Пока они шли, я не сводила глаз с экрана. В голове беспорядочно всплывали обрывки прошлого. Тот день, когда Арина, бледная как полотно, позвонила мне, и в голосе у нее была такая беспомощная паника, какой я никогда не слышала. Потом больница, и крошечная Ева, закутанная в пеленку. Мы тогда держались за руки, буквально. Думали, это навсегда — это чувство локтя, этого "мы против всего мира". А теперь мы просто две уставшие женщины в одной квартире, не знающие, как быть дальше. Только год мы жили в радости от появления Евы. А потом диагноз и больницы. Два года ребенок угасает, а мы просто существуем.

На мониторе появились фигуры Коли и еще одного охранника. Они медленно прочесывали проход между контейнерами, светя фонарями. Я видела, как луч выхватывал цифры на стенках, колеса прицепов. Никого. Коля что-то сказал в рацию, но я не расслышала, отвлекшись на экран камеры №10. Там, на краю кадра, показалась фигура. Неопределенная, скользящая. Сердце упало. Но в следующую секунду из-за угла, рыча, выкатила знакомая упитанная дворняга — Боцман, терминальный пес, которого все подкармливали. Я выдохнула, чувствуя, как напряжение спадает, оставляя после себя пустую усталость.

- Лена, тут чисто. Боцман шляется, — донесся голос Коли. — Все в порядке.

- Поняла. Спасибо, — ответила я. Я откинулась на спинку кресла.

В этот момент в рации раздался крик Коли, лай, а потом скулеж Боцмана и звуки выстрелов.

Я вскочила, впиваясь в экран. Камера №12 тряслась, будто её задели. На земле мелькали тени, одна крупная и стремительная, другая — корчащаяся, Колина. Лай оборвался. В рации стояла гробовая тишина, потом послышалось тяжёлое, хриплое дыхание и приглушённый стон.

- Коля! Что там? Отзовитесь! — закричала я в микрофон, уже хватаясь за ключ от оружейной комнаты. Ответа не было. На других мониторах было пусто. Я побежала к металличе-

скому шкафу, руки тряслись, ключ скользил в замке. Из рации донёлся звук волочения, металлический скрежет по асфальту, а затем — тишина, настолько полная, что звенело в ушах.

Я выдернула из шкафа табельный пистолет, жаль, что он только шокер и, бросилась к выходу из поста. Холодный ночной воздух ударил в лицо, пахло мазутом и ржавчиной. Бежала по освещённым островкам света, между чёрными пропастями контейнерных штабелей. Сердце колотилось где-то в горле. На повороте в сектор D я споткнулась о фонарь. Он валялся на боку, стекло разбито. Дальше, в луже желтоватого света, лежало тёмное, бесформенное тело. Боцман.

Рядом с ним, прислонившись к контейнеру, сидел Коля. Глаза были открыты, смотрели в никуда. На его жилете расплывалось тёмное пятно. Второго охранника не было видно. Я подбежала, присела, тряся его за плечо. Он был ещё тёплым.

- Коля, держись, щас вызову... ", — голос сорвался. Я потянулась за рацией на его ремне, и в этот момент услышала сзади сдавленный всхлип.

Из-за соседнего контейнера выполз второй охранник, Саня. Он был без шапки, лицо в царапинах.

- Он... он... — Саня затряс головой, — не люди. Их было двое. Как тени. Коля крикнул, пес кинулся, а они... они просто...- Он сжал голову руками. Я взгляделась в темноту, куда он показывал. Там, в конце прохода, зиял открытый люк пустого контейнера. Из него, казалось, струился сам мрак.

- Вставай, — жёстко сказала я, поднимая Саню за куртку. — Бежим на пост. Там вызовем.

Но он лишь мотал головой, бормоча что-то несвязное. Я поняла, что тащить его не смогу. Оглянулась на пульт рации у Коли — разбит. Моя осталась на посту. Решение пришло холодным и тяжёлым, как свинец.

- Сиди тут. Не шевелись. Я вернусь с подмогой

За 2 часа

- Булат – Арсений отвлек волка – тут сообщение, что замечены странные животные в доке, где хранятся контейнеры. Сообщение прислали гаргульи.

- Черт, там наш контейнер – Булат подскочил – где Егор?

- в баре

- Тогда ты здесь за пультом. Смотри в оба. Я поднимаю своих и в Доки на разведку.

Елена

Я бросилась назад по лабиринту контейнеров. Каждая тень казалась живой, каждый скрежет металла — шагом. Воздух стал густым и вязким, как сироп. Я бежала, прижимая шокер к груди, и мысль о том, что нужно звонить Арине, пронзила меня острее любого страха.

Дверь поста захлопнулась за мной, я щелкнула замком. Руки дрожали, когда я схватила телефон. Набрала 112. Пока звонило, увидела на основном мониторе — камера №12 показывала неподвижное тело Коли и сидящего рядом Сани. В темноте за ними что-то колыхнулось.

- Служба спасения...

- Произошло нападение, терминал... — голос звучал чужим, я выпалила адрес. Диспетчер что-то спрашивал, но я уже не слушала. Уставилась на экран. Тени за контейнерами стучались, приобретая форму.

Я знала, что нельзя было оставлять их там. Но вернуться одной было равно самоубийству. Время растянулось. Секунды гудели в ушах. Внезапно на камере Саня резко вскинул голову, как будто услышав что-то позади, и отполз в сторону от тела напарника. В тот же миг из люка пустого контейнера выплыла фигура. Высокая, слишком гибкая. Она не шла, а словно скользила над асфальтом. Второе существо возникло из тени прямо за Саней. Он даже не успел

вскрикнуть. Просто исчез в сгустке мрака, будто его стерли ластиком. Существа замерли над телом Коли, и одно из них медленно повернуло голову в сторону камеры. Я почувствовала, будто его взгляд уперся прямо в меня, сквозь экран и расстояние. Изображение затрещало и погасло.

Телефон вырубился. Я достала из стола сотовый и вызвала полицию.

Глухой удар в стальную дверь поста заставил меня вздрогнуть. Потом еще один — не в дверь, а в стену, как будто по ней ударили кувалдой. Сирены снаружи были не слышны. Я отступила вглубь комнаты, подняв шокер. В голове пронеслись лица Арины и Евы — не идеальные, не из прошлого, а сегодняшние: усталые, обиженные тишиной. И это стало самой острой болью. Мы еще не все сказали. Мы еще не все попробовали.

Удар повторился, ближе. Свет в комнате мигнул и погас, включился аварийный, окрасив все в красноватый мрак. В окошко, выходящее на территорию, ударил луч прожектора с подъезжающей машины. И в этом слепящем свете, прямо перед стеклом, на мгновение возник силуэт — изломанный, нечеловеческий. Затем он рассыпался, будто тень от облака.

Завыли сирены, послышались крики, гул моторов. Но я уже понимала: то, что пришло, не ушло. Оно просто отступило, чтобы вновь вернуться из темноты, которая теперь была везде — и в длинных рядах контейнеров, и в тишине моей квартиры, и внутри меня самой.

- Вон там – послышался мужской голос

Надеясь, что это полиция, я распахнула дверь поста и просто вывалилась на улицу, попав в объятия огромного мужика, который явно не походил на полицейского. Он втянул воздух у моего лица и оскалился.

- Моя – прорычал этот громила

От неожиданности я просто нажала на спусковой крючок, и мужик затрясся от разряда, попавшего в него.

Хватка ослабла, отскочив от него я огляделась. В небе я увидела чудовищ с крыльями. А по площадке бегали... волки.

- Твою мать – я рванула в сторону сектора D.

Над телом Коли стояло... да хрен его знает кто это. Он испустил свет из рук и тело просто рассыпалось в прах... чудище поднял на меня взгляд.

Его глаза были как две щели в темноте, без белка и зрачка. Я застыла, чувствуя, как этот взгляд высасывает из меня остатки тепла. От тела Коли осталась лишь темная пыль на асфальте.

За спиной послышался лязг когтей по металлу, рык. Я отпрыгнула к стене контейнера, прижимаясь к холодной ржавчине. Между штабелями, в полосе света от упавшего фонаря, метнулась тень волка. Но не обычного — размером с теленка, с мехом, сливающимся с мраком, и светящимися желтыми точками глаз. Он замер, почуял меня. Чудище напротив медленно повернуло голову к волку, будто отдавая беззвучный приказ.

Волк сделал прыжок. Инстинкт сработал раньше мысли. Я, не целясь, выстрелила из шокера почти в упор. Разряд со звонким треском ударил в грудину зверя. Он свалился на бок, взвизгнув, но не затих — забился в конвульсиях, издавая булькающий звук. Мне хватило этого момента, чтобы рвануть вдоль контейнера, к открытому люку. Это была единственная укрытая точка. Сзади раздался шелестящий, шипящий звук — то самое существо двинулось за мной.

Я влетела в черный квадрат люка, ударившись плечом о стенку. Внутри пахло плесенью и озоном, как после грозы. Я отползла в самый дальний угол, обхватив колени. За дверью воцарилась тишина, настолько густая, что слышно было биение собственного сердца. Потом на свету проема появился силуэт. Оно не вошло. Оно словно впитывало темноту вокруг, становясь более плотным, реальным. Я увидела длинные пальцы, без ногтей, которыми оно провело по краю люка, и металл зашипел, оставляя черный налет.

- Булат сюда – мужской крик заставил вздрогнуть – нашел ее

Вспышка света ударила снаружи, ослепительно белая, и раздался оглушительный, нечеловеческий визг. Силуэт в проеме отпрянуло. Послышались новые голоса, быстрые команды, треск, напоминающий разряды. Бой шел снаружи. Я подползла к краю люка и выглянула.

По площадке между контейнерами, двигаясь странной, скользкой походкой, отступало то самое существо. Его преследовали двое. Один — тот самый громила теперь с огромным клинком в руке, светившимся холодным синим светом. Второй был стройным, почти изящным, его руки излучали пульсирующее марево, и с каждым его взмахом странное существо корчилось, будто его резало невидимыми лезвиями. Над ними, на крыше контейнера, приземлилось одно из крылатых созданий — гаргуля. Она оскалилась в мою сторону.

- Арсений выводи ее – крикнул тот громила

Стройный, Арсений, кивнул и рывком бросился к моему укрытию. Его глаза вблизи оказались нечеловечески яркими, цвета серебра. Он без лишних слов наклонился, его рука потянулась ко мне.

Глава 4

- Выходи, быстро. Гибридов слишком много

Я вжалась в стену контейнера и отрицательно покачала головой

- Булат она в шоке, только если ее через плечо и выносить

- НЕ ТРОГАТЬ. ОНА МОЯ – от крика громилы сердце сжалось и унеслось куда-то в пятки.

Арсений сделал шаг в сторону и проем закрылся мощным телом того, в которого я выстрелила.

- Солнце – он смотрел прямо на меня, его глаза...мне казалось они светятся в темноте – ты шарахнула меня током, но я готов тебе простить это недоразумение, если ты выйдешь отсюда. Тех существ очень много...и надо уходить...тебе.

Я сглотнула и наставила на него свой шокер-пистолет

- Видимо по-хорошему договориться не выйдет – громила на миг прикрыл глаза, а когда их открыл, я взвизгнула и выстрелила.

- Да твою мать...ты издеваешься что ли? – громила с содроганием откинул от себя провода. А потом схватил меня за ворот куртки и потащил на себя.

- Булат, надо уходить, полиция приехала – проговорил Арсений, глядя на маячки в темноте

Я извернулась, лягнула этого Булата между ног, а когда его хватка ослабла, я рванула вдоль контейнеров к маячкам.

Я бежала на синие вспышки, на голоса, на шум двигателей — на всё, что хоть отдаленно напоминало нормальный мир. За спиной послышался гневный рев, а следом — свист, будто разрезали воздух.

Добежала до полицейского УАЗика и упала на землю задыхаясь.

- С вами все в порядке? – надо мной наклонился молодой парень – что случилось?

- Нападение...там...они вооружены – я махнула рукой в ту сторону от которой бежала.

Всю оставшуюся ночь я провела в полицейском участке. Меня трясло и знобило. Мне вкололи успокоительное, но оно не помогало.

- Николай Стаев исчез, Александр Аверкин мертв – проговорил следователь

- Коля не исчез, его убило то существо...а потом ожившая гаргулья просто испепелила тело Коли

Следователь тяжело вздохнул и положил передо мной два фото.

- Нашли контейнер, там какая-то лаборатория. Черная субстанция повсюду. Эксперты разбираются, но говорят, что это могло вызвать у вас галлюцинации.

Я подняла тяжелый взгляд на следователя.

- Елена Викторовна, вы в шоке...но мы не нашли тех о ком вы говорили. Никаких следов ни чудовищ, ни гаргулий, ни волков. Только мертвый охранник и мертвая собака, и черная жижа в колбах. Я вижу это так, Николай Стаев прикрывал какую-то лабораторию видимо по производству запрещенки. Александр об этом узнал, думаю случайно. Николай убил Александра, убил вашу собаку и сбежал, перед этим распылив на вас это вещество. У вас начались галлюцинации, но полицию вы вызвать успели. Мы выяснили, что Николаеи Стаев купил билет до Пекина, видимо бежит в Китай. Мы его обязательно найдем...

Я смотрела с неверием на этого следователя. Он все говорил и говорил. Откровенную чушь. Я знаю, ЧТО я видела.

- Идите домой. Вам надо отдохнуть и прийти в себя. Через недельку, другую я вас вызову. Договорились?

Слово «Договорились» он выделил особенно четко. Я наклонила голову на бок и кивнула.

- Ну и прекрасно – следователь выдохнул – Идите

Я вышла из участка на рассвете, когда серое небо только начинало светлеть. Город просыпался, люди шли на работу, мир был обычным и твердым под ногами. Но эта обыденность казалась теперь тонкой пленкой, натянутой над бездной. Следователь был неплохим актером, но в его глазах я прочитала не заботу, а приказ: «Заткнись и уйди». Кто-то сверху уже все решил. Лаборатория, черная субстанция, версия с Николаем-убийцей — это была аккуратная крышка, которую приварили к ящику с кошмаром, пока я давала показания.

Села в такси и молча смотрела в окно. В голове стучало одно: «Они знают, что я видела. И они знают, что я не сломалась». Меня не убили в том контейнере, потому что пришли те двое. Булат и Арсений. Они воевали с этими тварями. А полиция, или те, кто за ней стоит, воевали уже со следствием. Значит, где-то есть фронт. И я, сама того не желая, оказалась на нейтральной полосе.

- Что с тобой? – сестра выглянула в коридор – на тебе лица нет. Лена?

- Как Ева?

- Жива... - тихо ответила Арина

- Я мыться и спать. Потом все расскажу

На следующий день я попыталась вернуться к рутине, но она не складывалась. Руки сами потянулись к ноутбуку. Я стала искать. Сначала осторожно: новости о нападениях животных в городе, странные происшествия на промзонах. Потом глубже: форумы паранормальщиков, слитые базы данных скорой помощи с упоминаниями о травмах неясного происхождения. Всё было разрозненно, как обрывки пазла. Но чем дольше я копала, тем четче вырисовывался контур. Город был болен. И болезнь эта пряталась в тених, в сводках о «бытовухе» или «несчастных случаях», в исчезновениях бомжей и маргиналов, на которые никто не обращает внимания.

- Лена – крик сестры застал врасплох

Я влетела в комнату.

- Ева задыхается, скорую срочно.

Мы бежали за каталкой по больничному коридору. Нашу кроху увозили.

Дверь закрыли перед нашим носом. Арина упала на колени и разрыдалась.

Мы сидели так долго, так мучительно долго...

Врач, что вышла к нам, выглядела уставшей.

- Мы сняли приступ, она дышит. Но мы подключили ее к ИВЛ. Вы должны понимать, что время вышло. У нее четвертая стадия, ее легкие не выдерживают.

Я сидела в холодной больничной палате, глядя на мерцающий монитор. Каждый звук аппарата ИВЛ казался ударами молота по стеклянному куполу, в котором теперь была заключена жизнь Евы. Арина спит на соседней койке, ее дыхание прерывистое от усталости.

Спустилась на первый этаж больницы, чтобы взять себе безвкусный кофе из автомата. Я смотрела на черный напиток в стакане и видела в нем тьму, что поглотила нас. А потом капли, кап, кап...

- Вот я тебя и нашел, солнце

Я подняла взгляд на того громилу... Булата...

- Ты как? – его взгляд с нахального сменился на тревожный

Я замотала головой, а потом просто разрыдалась. Я не плакала последние пять лет. Нет я плакала, но не рыдала. А тут...

Булат, забрал у меня стаканчик, выбросил его в мусорное ведро и прижал к своей груди. А я просто рыдала.

- Успокоилась? А теперь рассказывай – Булат усадил меня на кресло в коридоре, а сам присел на корточки.

- Как ты здесь оказался? – я подняла на него заплаканные глаза

- Потом расскажу, почему ты здесь?

- Ева...ей три...

- Дочь?

Я отрицательно помотала головой

- Племянница, у нее рак...четвертая стадия...она...умирает...

- Ясно. Фамилия у Евы как?

- Савицкая Ева Викторовна

- Сиди тут и никуда не уходи, я скоро.

Булат встал и стремительно направился по коридору. А я просто сидела и смотрела в одну точку.

Он вернулся через двадцать минут, лицо было сосредоточенным, в руках сжимал телефон. Я не успела спросить, как он сел рядом и, глядя прямо перед собой, заговорил тихо и быстро.

- Сегодня, через три часа, сюда приедет бригада из «Сферы». Они перевезут девочку в нашу клинику. У нас есть экспериментальные...в общем шанс есть. Твоя задача — уговорить сестру подписать все бумаги. Никаких вопросов, просто согласие. Полиция тебя больше не побеспокоит, версия по лаборатории утверждена. Но это не подарок, солнце. Это аванс.

Я смотрела на его профиль, пытаюсь понять подвох. В его голосе не было ни жалости, ни угрозы. Была холодная констатация факта. Он давал мне веревку, не уточняя, спасательный ли это круг или петля.

- Почему? — выдохнула я. — Зачем тебе это? Кто ты и что хочешь взамен?

Булат наконец повернул ко мне голову. Его глаза, которые в свете коридора казались светящимися, теперь были просто усталыми и очень старыми для его возраста.

- Ты видела реальность. Большинство сходит с ума или молчит. Ты сделала ни то, ни другое. Ты полезла искать. Ты другая и ты...потом скажу...

Он встал, потянулся так, что кости хрустнули, и достал из кармана куртки смятый блокнотик, вырвал листок.

- Вот адрес. У тебя три часа на уговоры сестры и сборы. Вас там поселят при больнице. Остальное узнаешь на месте.

Он положил клочок бумаги мне на колени и ушел, не оглядываясь, его тяжелые ботинки глухо стучали по кафельному полу. Я сидела, сжимая в пальцах этот адрес. Он был написан шариковой ручкой, неразборчиво.

Глава 5

- Ты уверена, что стоит это делать? – сестра смотрела на бланк согласия о переводе и об отказе от претензий к городской больнице.

- Я уже ни в чем не уверена. Но если есть шанс, значит надо пробовать. Здесь мы уже все испробовали и результата нет. – я говорила жестко, чтобы не осталось сомнений

- Может стоит подождать? – Арина подняла на меня взгляд

- Хорошо, жди, я пойду договариваться с ритуальным залом

- Господи, Лена – Арина заплакала

- ЧТО ЛЕНА, НУ ЧТО? Мы ждем только ее смерти, вот и все. Я не знаю помогут ли нам в «Сфере». Если нет, она и так умрет. А если да? Если чудо будет? ТЫ сможешь спокойно спать, зная, что не попробовала?

Арина разрыдалась, а потом просто подмахнула все бумаги.

Я выхватила бумаги и вышла в коридор. Хотелось кричать, просто орать от бессилия. Как же я устала... кто бы только знал, как я устала.

Через три часа, как и говорил Булат, за нами приехала карета скорой помощи. Еву аккуратно и бережно переложили на носилки, подключили к оборудованию, и мы поехали.

- У нас с собой нет вещей – тихо сказала Арина

- Сейчас приедем на место, устроимся и я съезжу домой за вещами.

Она кивнула и взяла Еву за руку.

Машина скорой помощи свернула с оживленной трассы и понеслась по узкой дороге, окаймленной высокими бетонными заборами. Через двадцать минут мы въехали на территорию, больше похожую на закрытый технопарк, чем на медицинское учреждение. Низкие, строгие здания из темного стекла и стали, идеальная чистота и почти полное отсутствие людей. Нас встретила женщина в белом халате с табличкой «Сфера». Её лицо было профессионально-бесстрастным.

Еву быстро и эффективно переместили в палату. Оборудование здесь было новым, тихим, пугающе совершенным. Ко мне подошел врач, представившийся Игорем Сергеевичем. Он бегло, но внимательно изучил историю болезни, кивал, задавал точные вопросы.

- Мы начнем с завтрашнего утра. Процедуры будут тяжелыми, но у нас есть ресурсы, которые недоступны в городских клиниках, — сказал он, и в его тоне не было пустых надежд, только холодная уверенность. Это, как ни странно, успокоило.

Арину устроили в комнате при палате. Когда она наконец уснула, я вышла в коридор. Тишина здесь была гнетущей, прерываемой лишь мягким гулом систем жизнеобеспечения.

- Привет

Я резко развернулась. Передо мной стоял Арсений

- Привет, что тут делаешь?

- Я тут живу – Арсений улыбнулся

- Живешь в медицинском центре? – я наклонила голову на бок

Он рассмеялся

- Нет, у меня тут свое жилье.

- Тут какая-то секта что ли? Кто вы?

- Тебе Булат все расскажет, он ждет тебя пойдем провожу.

Мы шли по переходам, сворачивая несколько раз. Я рассматривала панорамные окна и то, что было за ними. Увидела нескольких мужчин, что занимались спортом на улице. Вокруг зелень и стерильная чистота. Потом мы свернули снова и уже другие окна открыли мне то, что было за зданием. Тут была огромная детская площадка, по которой носились дети разных возрастов.

- Что это за место?

- Научный центр. Это дети сотрудников. Все сотрудники живут тут. У нас есть школа, университет, детский сад.

- Ты тоже сотрудник?

- Теперь да, а изначально я сын основательницы «Сферы». Моя мать стоит у истоков ее создания.

Я молча кивнула, переваривая эту информацию. Мы подошли к лифту, Арсений провел картой, и мы спустились на два этажа вниз. Когда двери открылись, передо мной предстал совсем другой мир – не стерильно-медицинский, а скорее похожий на фойе дорогого отеля: теплый свет, дерево и кожа в отделке, тихая фоновая музыка.

Булат ждал в небольшом кабинете с панорамным окном, выходящим в сад. Он сидел за простым столом, отложив в сторону планшет.

- Садись, – сказал он, жестом указав на кресло. – Еву уже обследуют. Первый протокол начнут завтра.

- Арсений говорит, это целый город, – выпалила я, садясь. – Кто вы такие? Зачем вам всё это?

Булат откинулся на спинку кресла, сложив руки на столе.

- «Сфера» – частный исследовательский центр. Мы занимаемся тем, до чего у государства или корпораций не доходят руки, либо им это невыгодно. Медицина – одно из направлений. Да, здесь живут сотрудники и их семьи. Это необходимо для безопасности и эффективности работы.

- А ты кто? Тот, кто решает, кому помогать?

- Я руковожу отделом оперативной деятельности. Решения о помощи принимает комитет, – его тон был ровным, деловым. – Твой случай оказался на стыке нескольких факторов. Во-первых, редкая форма патологии у ребенка, которая попадает в сферу наших интересов. Во-вторых, твои действия в на контейнерной площадке показали... нестандартность мышления.

- И это всё? – не поверила я.

- Это достаточные основания. Мы не благотворительный фонд, Лена. Мы вкладываем ресурсы, рассчитывая на результат. В случае с Евой – на медицинские данные. В случае с тобой – на потенциал.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

- Мой потенциал? Что это значит?

- Потом, – он отрезал. – Сейчас твоя задача – помогать сестре и племяннице. Адаптироваться. Для вас выделена квартира в жилом блоке. Завтра тебе выдадут пропуск и ознакомят с правилами. Здесь свои порядки. Он встал, давая понять, что разговор окончен.

- А «аванс»? – вспомнила я его слова в больнице. – Когда нужно будет возвращать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.